Великіе охотники.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

22 августа текущаго года исполнилось ровно 20 лѣтъ со смерти Ивана Сергѣевича Тургенева. Къ этому дню выпущена И. Ф. Рындою очень интересная и задушевно написанная книга.—«Черты изъ жизни И. С. Тургенева». Г. Рында, землякъ Ивана Сергѣевича, превосходно ознакомился на мѣстѣ съ жизнью великаго писателя и талантливо передаетъ много новыхъ чертъ изъ жизни его. И. Ф. Рында, будучи самъ страстнымъ охотникомъ, глубоко любящимъ родную природу, съ особеннымъ чувствомъ и трогательнымъ вниманіемъ останавливается на изображеніи мельчайшихъ чертъ охотничьей жизни Ивана Сергѣевича.

По свидѣтельству И. Ф. Рынды охота была для Ивана Сергѣевича Тургенева не одною простою забавой, какъ думаютъ многіе. Черты характера и бытовыя стороны русскихъ крестьянъ, которыя онъ наблюдалъ не какъ «баринъ», котораго должны были бы стѣсняться крѣпостные, а какъ простой охотникъ—своего рода туристъ по своей землѣ—дали обширный и разнообразный матеріалъ, столь художественно разработанный въ «Запискахъ Охотника», сыгравшихъ такую выдающуюся роль въ исторіи русскаго народа...

Какъ велика была эта роль, свидѣтельствуютъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова, переданныя Тургеневымъ въ 1867 году славянскому публицисту, составившему словарь славянскихъ дѣятелей, хорвату Луктичу, и сказанныя ему, Тургеневу, лично самимъ нынѣ въ Бозѣ почивающимъ Освободителемъ русскаго народа, Императоромъ Александромъ II: «Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ «Записки Охотника», меня ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости».

Любопытныя черты приводитъ И. Ф. Рында изъ дѣтской жизни Тургенева. Уже съ малыхъ лѣтъ Иванъ Сергѣевичъ обнаруживалъ склонность къ охотѣ, къ живому міру.

Его тянуло къ природѣ, особенно къ живымъ ея представителямъ—птицамъ. Лѣтъ семи онъ уже ловилъ — западней, пленками, сѣтками—птичекъ, которыя въ изобиліи водились въ обширномъ Спасскомъ саду, занимающемъ болѣе 30 десятинъ и походившемъ въ то время въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ болѣе на лѣсъ, чѣмъ на садъ.

Наклонность къ пернатымъ перешла къ Ивану Сергѣевичу отъ его матери, которая очень любила птицъ (за исключеніемъ куръ) и держала въ домѣ во множествѣ щегловъ, чижей, синицъ и т. п.

Варвара Петровна, замѣчая на каждомъ шагу, какъ ея «Ваничку» привлекаетъ пернатый міръ, по движенію любящаго материнскаго сердца, приказала устроить въ одной изъ комнатъ обширнаго Спасскаго дома птичникъ, окрашенный въ зеленую краску, въ который и были напущены всѣхъ родовъ зерноядныя, преимущественно пѣвчія птицы. Пополнять этотъ птичникъ новыми экземплярами лежало на обязанности лѣсника «Борзого» (прозваннаго такъ В. П. за свой высокій и прямой ростъ).

Кромѣ того, около террасы дома были поставлены столы, на которые посыпались различныя зерна,—множество голубей, едва раздавался звонокъ, со всѣхъ сторонъ стремились къ этому обильному и даровому угощенію. Сердце матери трепетало отъ восторга, когда ея любимый сынъ, окруженный со всѣхъ сторонъ довѣрчивыми и прирученными птицами, видимо, наслаждался.

Спасскій садъ оканчивается двумя прудами; въ одномъ изъ нихъ, также по звонку, пріучили рыбу подплывать къ берегу и брать изъ рукъ хлѣбный мякишъ, распаренныя зерна ржи и пшеницы. Почти каждый день убѣгалъ къ этому пруду «Ваничка» и маленькими рученками бросалъ въ воду хлѣбный мякишъ, который и подхватывался на-лету рыбою. Въ ненастные дни ребенокъ, посматривая въ окно, тосковалъ, что ему сегодня не придется побывать около пруда.

Всѣ домашніе, пріѣзжавшіе въ гости знакомые, а также дворовые и приходившіе часто на барскій дворъ крѣпостные узнали про склонность ребенка.

Наклонность эта была особенно на руку «егерямъ», и вотъ они

и начали посвящать мальчика въ свое занятіе, сначала только разсказывая про охотничьихъ птицъ и иллюстрируя свои импровизированныя лекціи только что добытыми экземплярами вальдшнеповъ, бекасовъ, дупелей, утокъ. Сильно дѣйствовали эти разсказы на впечатлительную душу ребенка: не разъ и во снѣ грезились ему птицы.

Мальчикъ не разъ изъявлялъ желаніе посмотрѣть на эту охоту, про которую такъ краснорѣчиво разсказывали ему подданные его матери. Желаніе его начало исполняться: въ погожіе осенніе дни «егеря» потихоньку отъ его матери уводили мальчика въ орѣховые кусты, росшіе тутъ же, за садомъ, въ которыхъ попадалось много вальдшнеповъ. Увести ребенка на охоту было легко, такъ какъ мать почти все время слѣдила за мужемъ, а послѣдній посвящалъ время ухаживанію за женщинами, и «Ваня» почти все время вращался среди дворовыхъ и крѣпостныхъ людей.

Предоставленный самому себѣ, онъ большую часть дня развлекался среди природы—одинъ въ саду, около пруда, или съ «егерями» на охотѣ, и врожденная охотничья искра все болѣе и болѣе разгоралась.

Лѣтъ 10, сначала изъ «егерьскаго», а потомъ изъ купленнаго ему отцомъ ружья, «Ваня» уже самъ началъ стрѣлять въ сидящихъ на деревьяхъ дроздовъ, горлинокъ, дикихъ голубей и плавающихъ на водѣ утокъ, а потомъ мало-по-малу приноровился попадать и въ летящихъ.

Иванъ Сергѣевичъ часто говорилъ, что лучшимъ временемъ пребыванія его въ Спасскомъ онъ считаетъ то, когда бывалъ на охотѣ.

Высланный на безвыѣздное пребываніе въ Спасскомъ, онъ забывалъ свое одиночество и оторванность отъ образованнаго міра на охотѣ, среди матери-природы, всегда раскрывавшей ему свои объятія. Охота, наполняя его свободное время, служила для него лѣкарствомъ, къ которому онъ прибѣгалъ во время душевной тоски и нравственнаго страданія; она была также источникомъ творчества и вдохновенія, давая ему матеріалъ для возсозданія художественныхъ типовъ и неподражаемыхъ описаній русской природы, которая подъ его творческимъ перомъ теряетъ свое однообразіе и суровость, являясь чарующею въ срединѣ лѣта (періодъ охоты на тетеревовъ) и захватывающею душу нѣмымъ сожалѣніемъ и вдумчивымъ

углубленіемъ въ самого себя и прожитую жизнь (осенью, во время пролета вальдшнеповъ).

Иванъ Сергѣевичъ, участвуя за границей въ игрѣ въ вопросы и отвѣты, на вопросъ: «Какое ваше любимое занятіе»: отвѣтилъ: «Охота».

Иванъ Сергѣевичъ былъ охотникъ ружейный и исключительно «по перу», хотя и держалъ гончихъ собакъ, по свидѣтельству И. Ф. Рынды.

Разъ какъ-то нѣсколько его знакомыхъ помѣщиковъ охотились съ гончими и брали «островъ». Случилось такъ, что въ это же время около того же «острова» охотился за куропатками и Тургеневъ съ своей собакой Бубулькой. Вдругъ вся стая гончихъ «оборвалась», т. е. перестала гонять.

Когда охотники подбѣжали къ стаѣ собакъ, то ихъ глазамъ представилась слѣдующая картина: на полянѣ, окруженной гончими, стоитъ Иванъ Сергѣевичъ, держа надъ головой Бубульку. Гончія, конечно, были отозваны; но Иванъ Сергѣевичъ долго не могъ успокоиться и, весь блѣдный, нервно ходя по полянѣ, все повторялъ! «Нѣтъ, это ужасно... Мамаево нашествіе... Я себѣ представить не могу того момента, когда гончія бросились за Бубулей... Какъ я увидалъ всю стаю... Гамъ... крикъ... визгъ Бубульки... Разрушеніе...».

Знакомые Ивана Сергѣевича помѣщики-охотники очень хотѣли посвятить его въ прелесть охоты съ гончими, устраивая для него нѣсколько разъ подобныя охоты. Разъ какъ-то одна изъ нихъ вышла очень удачна, и Тургеневъ убилъ шесть зайцевъ. Можно было бить еще, но Иванъ Сергѣевичъ сѣлъ на пень и положилъ около себя ружье. Его сотоварищи по охотѣ подошли къ нему.—Ну, что, Иванъ Сергѣевичъ, правда, вѣдь хороша охота?—засыпали они его вопросами.—«Да, правда,—отвѣтилъ онъ,—музыка есть, но поэзіи мало»,—и тутъ же съ своимъ обычнымъ юморомъ прибавилъ:—«Вчера гоняли, сегодня гоняете, имъ, бѣднымъ, отдохнуть надо, а вы ихъ бьете».—Тургеневъ, охотникъ «по перу», доказывалъ преимущество этой охоты; Николай же Толстой (братъ автора «Войны и мира»), наоборотъ. По этому поводу у нихъ велись нескончаемые споры, въ которыхъ принималъ участіе и Аѳанасій. Этотъ Аѳанасій—Аѳанасій Тимоѳеевичъ Алифановъ—сначала былъ крѣпостнымъ «егеремъ» П. И. Черемисинова (помѣщика Чернскаго уѣзда, Тульской губерніи) и жилъ на оброкѣ у мелкопомѣстнаго помѣщика